*С. А. Сажина***СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В ЯЗЫКЕ КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ**

Статья посвящена описанию словоизменительной системы существительного одного из малоизученных идиом коми-пермяцкого языка. Основное внимание уделено рассмотрению морфологических средств выражения категорий числа, посессивности и падежа. В работе проанализированы особенности образования форм множественного числа существительных; рассмотрены вторичные значения показателя множественного числа; выявлено количество членов грамматических категорий посессивности и падежа; приведено описание каждого члена падежной парадигмы с точки зрения его морфологического оформления; показана специфика посессивного склонения. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания кировских пермяков. Лингвистический материал анализируется и интерпретируется в контексте коми языкового диалектного ландшафта. В результате исследования выявлено, что субстантивное словоизменение в исследуемом идиоме характеризуется упрощением и по основным особенностям обнаруживает наибольшее сходство с южными зырянскими диалектами.

Ключевые слова: коми язык, коми-пермяцкий язык, диалектология, верхнекамское наречие, кировские пермяки, морфология, существительное, множественное число, падеж, посессивность.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-34-44

Кировские пермяки¹ – малочисленная этническая группа народа коми, проживающая в верховьях Камы, в Афанасьевском районе Кировской области. Язык данной этнической группы представляет собой особую форму коми языка, развивавшуюся в условиях изолированности от основного ареала распространения коми диалектов и сильного воздействия окружающих русских говоров. Большая часть носителей идиома проживает в деревнях Порубово, Илюши, Рагоза, Пашино, Меркучи, Карасюрово, Першино, Порошино, Ромаши, Мироново, Московская, Аверины, поселке Афанасьево.

До настоящего времени язык кировских пермяков не являлся объектом системного исследования. Некоторые его особенности отражены в статье Г. А. Нечаева [Нечаев 1930, 1–21]

¹ В научной литературе для обозначения рассматриваемой территориальной группы коми народа используются различные экзонимы: зюздинские коми-пермяки / пермяки, зюздинские коми, кировские коми-пермяки / пермяки, коми-зюздинцы, верхнекамские коми, верхнекамские коми-пермяки. Этноним «зюздинские» связан с топонимом *Зюздино*, восходящим к *Сюзь-дин* 'место в устье реки Сюзьвы'. *Зюздино* – составная часть названий населённых пунктов Зюздинского края: Зюздино-Афанасьевское (совр. Афанасьево), Зюздино-Воскресенское (совр. Бисерово), Зюздино-Георгиевское (совр. Георгиево), Зюздино-Христорождественское (совр. Савинцы) и т. д. Топоним был упразднён в 1963 г. в связи с переименованием с. Зюздино-Афанасьевского в с. Афанасьево и Зюздинского района в Афанасьевский район.

и обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р. М. Баталовой, выделившей язык кировских пермяков в особое наречие коми-пермяцкого языка – «верхнекамское»² [Баталова 1975, 221–223]. Сегодня в условиях языкового сдвига изучение верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка приобретает особую актуальность. Синхронное описание данной территориальной разновидности коми языка с целью сохранения максимально подробной информации о ней, выявление ее диалектной основы являются важнейшими задачами современной коми диалектологии.

Настоящее исследование продолжает серию статей автора, в которых описываются фонетические и морфологические особенности языка кировских пермяков [Сажина 2016; 2019 и др.]. В предлагаемой работе объектом изучения является словоизменительная система существительного. В исследовании проведена инвентаризация морфологических средств выражения категорий числа, падежа и посессивности. Фактический материал собран нами во время экспедиций в Афанасьевский район Кировской области (с 2002 по 2012 гг.) от носителей с высоким уровнем языковой компетенции. Материал в статье приводится в фонематической транскрипции на кириллической основе, принятой в коми диалектологии. При подготовке работы использованы описательный и сравнительный методы исследования.

Система морфологических категорий исследуемого идиома в целом не отличается от других коми диалектов; различия большей частью проявляются в организации плана выражения одних и тех же грамматических форм или целых парадигм, а также самой системы противопоставления друг другу грамматических форм слова (различия в составе парадигм). Рассмотрим словоизменительную систему существительного, включающую грамматические категории числа, посессивности и падежа.

1. Категория числа

Категория числа – базовая словоизменительная категория существительного, выражающая количественные характеристики предметов и явлений. В коми языке данная категория базируется на противопоставлении форм единственного и множественного числа; единственное число характеризуется отсутствием формального показателя.

1.1. Морфологическим показателем множественного числа в рассматриваемых говорах является суффикс *-йас*³: *оиййас* ‘медведи’, *гэзййас* ‘веревки’, *ыбййас* ‘поля’ и др. В этом отношении верхнекамское наречие примыкает к коми-зырянскому диалектному ареалу (исключая удорский диалект, для которого характерны показатели *-йэс* ~ *-эс*, *-йо* ~ *-ос* [Сорвачева, Безносикова 1990, 31]).

При присоединении показателя множественности к существительному могут наблюдаться морфонологические изменения на стыке морфем. Так, после основы слова на мягкий согласный инициальный *й* форманта *-йас* чаще всего уподобляется предшествующему согласному, в результате чего показатель множественного числа имеет ряд фонетических вариантов в виде *-С'ас*⁴: *колокол'эч-час* ‘колокольчики’; *лөз'-з'ас* ‘оводы’; *нас'-с'ас* ‘шубы’. Данное явление характерно для многих коми-зырянских диалектов [Попова, Сажина 2014, 92–94]. В то же время в исследуемом идиоме встречаются формы, в которых отмеченный тип ассимиляции не происходит: *порс'йас* ‘свиньи’, *бад'йас* ‘ивы’, *з'ат'йас* ‘зятья’.

Ограниченную сочетаемость имеет показатель множественности *-йан*: присоединяется лишь к основе *ни* ‘сын, детеныш’. Формант, как и в зырянских диалектах, имеет значение множественности: *сийа побойалс'а йэхат'-тө пийан динё обратнө-тө, на род'ину* ‘Он побоялся

² Для обозначения исследуемого идиома в статье используются наименования «язык кировских пермяков» и «верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка».

³ В научной литературе бытуют различные гипотезы о происхождении морфологического маркера множественного числа в пермских языках. История данного вопроса довольно полно освещена в работах Н. В. Кондратьевой [Кондратьева 2010, 97] и Л. Л. Карповой [Карпова 2018, 169].

⁴ *С'* – палатальный консонант, развившийся в результате фонетической ассимиляции инициального [й] показателя множественного числа конечным мягким согласным субстантивной основы.

ехать к сыновьям обратно-то, на родину', *õtик дак кан'пи, уна дак кан'пийан* 'Если один, то котенок; если много, котята'. Отметим, что в коми-пермяцком литературном языке и диалектах данный суффикс утратил сему множественности: слово *пийан* употребляется в значении единичного лица или предмета: 1) ребенок, 2) детеныш: *каньпийан* 'котенок', 3) ветка, побег, поросль: *козпийан* 'елочка' [КПРС, 346]; форма множественного числа – *пийаннэз*.

1.2. Маркер множественного числа, кроме основного значения – указание на множество дискретных предметов, – может выражать вторичные значения [Плунгян 2003, 281–283]. В исследуемом идиоме это могут быть следующие значения:

1) репрезентативная множественность⁵.

В верхнекамском наречии при выражении репрезентативной множественности в качестве основы слова могут использоваться топонимы. В этом случае слово обозначает множественность лиц, проживающих в определенном населенном пункте: *порошинйас* и *вэс' наэрнõ кылõнõ* 'Жители Порошино и другие, наверное, слышат'; *порубовойас шуд* «вала», а *мийан «валõ»* 'Жители Порубово говорят «вала» (за водой), а у нас «валõ» (за водой)'; *бис'эровойас* 'жители Бисерово'. Случаи образования плюральных форм со значением репрезентативной множественности от топонимов в других коми диалектах (зырянских и пермяцких) не зафиксированы, однако встречаются в удмуртском языке [Кондратьева 2010, 99];

2) эмфатическая множественность, выражающая большое количество чего-либо: *йыйас кынталим* 'лед (букв. льды) замораживали', *кис'калыны вайасõн* 'поливают водой (букв. водами)'; *быкõ' блõн йõлйас* 'у всех много молока';

3) видовая множественность (несколько видов или сортов предмета, обозначаемого рассматриваемым существительным): *одзджык эд винайастõ эз бос'таллõ магаз'инс'ыс* 'раньше вина не покупали в магазине'; *турунйас с'акõйõс' тõдис* 'травы разные знала'.

1.3. В верхнекамском наречии субстантивный показатель множественности *-йас* может присоединяться и к другим частям речи. Так, к примеру, прилагательное, находясь в постпозиции по отношению к определяемому слову и образуя конструкции с нарушением исходного порядка «определение + определяемое слово», согласуется с ним в числе и оформляется отмеченным суффиксом: *магаз'инõ врод'э прин'имал'и картошкайассõ косйассõ* 'В магазине вроде бы принимали сухой картофель'; *пос'т'эл'айасыс соломенн'õййасыс* 'соломенные постели'; *кол'л'экт'ивйасыс пэрмйацкõййасыс пэс'н'айасс'õ с'ы'лисõ* 'Пермяцкие коллективы песни пели'. Аналогичные примеры зафиксированы в среднечепецком диалекте удмуртского языка [Карпова 1997, 105].

Маркер *-йас* может участвовать в образовании некоторых падежных форм множественного числа усилительно-личных местоимений: *ачым* 'я сам' – *ачымйас* / *ас'нымйас* 'мы сами'; *ачыд* 'ты сам' – *ачыдйас* 'вы сами'; *ачыс* 'он сам' – *ачысйас* 'они сами'; *ачым ас'õс* 'меня самого' – *ачым ас'йасõс* 'нас самих'; *аслад ас'õн* 'ты самим собой' – *аслад ас'йасõн* 'вы самими собой' и др. Данная инновация не находит параллелей в других коми диалектах, однако обнаруживает сходство с образованием усилительно-личных местоимений множественного числа в удмуртских диалектах [Карпова 2015, 82–83].

2. Категория посессивности

Характерной особенностью финно-угорских языков является морфологическая категория посессивности, представленная системой лично-притяжательных суффиксов. В настоящее время во многих из них происходит ее разрушение либо утрата: посессивные суффиксы ограничено употребляются в вепсском, карельском, ижорском языках, вышли из употребления

⁵ В ряде работ [Кондратьева 2010, 99; Карпова 2018, 171] отмечается, что употребление субстантивных форм множественного числа для выражения репрезентативной множественности в финно-угорских языках характерно лишь для удмуртского и марийского. В действительности, данное явление встречается также в коми литературном языке и диалектах (ижемском, нижневычегодском, вымском, лузско-летском). При выражении репрезентативной множественности в качестве основы слова используются собственные имена, термины родства и свойства. [ОКК, 47; Сажина 2004, 63–64; Шматова 2011, 225–229].

в водском, эстонском и ливском. В большинстве коми диалектов категория посессивности функционирует стабильно, имеет полную парадигму [Некрасова 2011, 121; Попова, Сажина 2014, 95–99]. Однако некоторые коми диалекты процесс разрушения данной категории все же затронул. Так, сокращение инвентаря посессивных суффиксов свойственно для южных зырянских верхнесысольского, лузско-летского (лузский говор), частично среднесысольского диалектов [Попова, Сажина 2014, 98–99]. Характерен данный процесс и для исследуемого нами идиома. В языке кировских пермяков исконный инвентарь посессивных суффиксов не сохранился: из шести форм функционируют лишь две – $Px2Sg$ (-ыд) и 3 лица ед. числа $Px3Sg$ (-ыс).

Наиболее активно в идиоме используется суффикс 3 лица ед. числа -ыс; чаще всего он имеет указательное значение: *куз'са вöлин öбöсыс* ‘высокой была эта дверь’; *чэл'ад'ыс вöлöмас' мамасылön л'уднöбн* ‘детей у мамы было много’; *зоныс эта пукалö пызан дорын* ‘парень тот сидит возле стола’. Зафиксированы редкие случаи использования суффикса -ыс в посессивном значении: *нырыс, виз'öд, ай вылö вэс' наход'ит* ‘нос его, смотри-ка, на отцовский похож’; *талун д'эн'га корис мужык, аски бабаыс локтис, корö* ‘сегодня денег просил муж, завтра его жена пришла, просит’; *айыс на фрон'т'э пöгиб* ‘отец его на фронте погиб’.

Суффикс 2 лица ед. числа по сравнению с суффиксом 3 лица встречается реже. Анализ примеров свидетельствует о его преимущественном использовании в указательном / выделительном значении: *час идзасыд абу дак* ‘сейчас соломы-то нет’; *томйасыд уж дух н'иа н'эм оз тöдö* ‘молодые-то они уже совсем ничего не знают’; *мöна мöд ылын кэркайасыд дак* ‘друг на друге дома-то’.

В южных говорах верхнекамского наречия (дер. Порошино, Мироново) после основ на -а наблюдается редукция посессивных суффиксов: -ыс → -с; -ыд → -д: *йолкад* ‘ёлка-то’, *бабушкад* ‘бабушка-то’, *музыкад* ‘музыка-то’.

Показатели $Px2Sg$ и $Px3Sg$ употребляются и при посессоре множественного числа: *н'иалön садыс* ‘их сад’; *тийан мужикйасыд* ‘ваши мужья’. В указательном значении бытующие в наречии посессивные суффиксы могут также оформлять существительные, обозначающие предмет / лицо, принадлежащие первому лицу (как в единственном, так и во множественном числе): *минам мамыс* ‘моя мать’; *мöссö мэнс'ым хул'итисö* ‘корову мою раскритиковали’; *ог помн'ит, бос'талли эг кийасас* ‘Не помню, брала ли в руки (мой)’; *мöсыд мийан* ‘корова наша’; *мийан мамыс* ‘наша мать’.

Принадлежность первому лицу в идиоме выражается исключительно генитивными и аблативными (при прямом объекте) формами личных / усилительно-личных местоимений: *мэнам вон* ‘мой брат’, *минам мамыс* ‘моя мать’, *мийан т'ат'ыс* ‘наш отец’; *мэнс'ым чэл'ад'öс* ‘моих детей’; *мийанлыс' кылсö* ‘наш язык’, *аслам кн'игайас* ‘свои (мои) книги’.

Таким образом, следует констатировать факт постепенного исчезновения морфологического способа выражения посессивных отношений в исследуемом идиоме. Сохранившиеся суффиксы теряют свою прототипическую посессивную функцию и чаще всего выступают в роли маркера определенности. Основным средством выражения личной принадлежности являются генитивные и аблативные формы личных и усилительно-личных местоимений. Вероятно, определенную роль в этом сыграл русский язык, в котором притяжательность также выражается с помощью специальных местоимений.

3. Категория падежа

В количественном отношении категория падежа⁶ в верхнекамских говорах представлена неоднородно: в одних говорах функционирует 16 падежей; для других характерна 17-членная парадигма.

Р. М. Баталова отмечала, что для данного идиома, так же, как и для других коми-пермяцких диалектов, характерен процесс трансформации послелогов с основой *выл-* в падежные форманты [Баталова 1975, 135]. Основанием для данного утверждения послужило функционирова-

⁶ В статье используются латинские названия падежей, как, например, в [Baker 1985, 111; Bartens 2000, 78; Некрасова 2002].

ние послелогов с основой *выл-* в усеченной форме, с опущением начального *в-*: *пызан ылӧ* ‘на стол’; *жуг ылас* ‘на мякине’; *ай ылӧ* ‘на отца’; *фэрма ылыс* ‘с фермы’. Исследователь фиксирует также в речи кировских пермяков односложные послеложные форманты *-лын* (*-лас*) ‘на чём / ком-либо’, *-лӧ* ‘на что / кого-либо’, *-лис* ‘с чего / кого-либо’, *-лӧдз* ‘до чего-либо’, развившиеся в результате выпадения анлаутного *в* и последующего сокращения количества слогов [Баталова 1975, 135–136]. В ходе экспедиционных работ односложные послеложные суффиксы в исследуемом идиоме нами не зафиксированы.

Верхнекамские образования типа *ылын*, *ылыс*, *ылӧ*, несмотря на двусложность структуры, в качестве падежных формантов предлагает рассматривать Г. А. Некрасова. По ее мнению, их свойства «ближе к падежным: они потеряли способность к самостоятельному употреблению в случае маркирования их посессивным показателем; ср. *ме ылын* ‘на мне’ и *ылам* ‘на мне’, но *ме ылын* и **ылам*; обязательным становится их употребление при каждом из членов сочинительной конструкции» [Некрасова 2016, 12]. Действительно, в исследуемом идиоме послелог с основой *-ыл* употребляется при каждом из членов сочинительной конструкции (*н'э пэтл'айас ылын*, *н'э шорн'эрийас ылын* ‘не на петлях, не на шарнирах’; *дӧрӧмйас ылӧ да, кофтайас ылӧ, йупкайас ылӧ* ‘на рубашки, на кофты, на юбки’; *р'абчик ылӧ да ош ылӧ эг вэтлаллы* ‘на рябчика и на медведя не ходил’); самостоятельное использование в случае маркирования посессивным показателем не зафиксировано. Однако, несмотря на наличие фонетического процесса на стыке с именем (выпадение анлаутного *в*), данные образования сохраняют самостоятельное ударение и паузу после имени. В связи с этим мы не относим их к числу падежных образований и рассматриваем в качестве послелогов [Сажина 2019].

3.1. Основное склонение

Рассмотрим морфологические маркеры основного склонения.

Номинатив не имеет формально выраженного показателя.

Генитив в верхнекамском наречии представлен формантом *-лӧн*: *йӧзлӧн* ‘у людей’, *бал'айаслӧн* ‘у овец’.

Аблатив выражает суффикс *-лыс*: *жэжниналыс* ‘у женщины’ *мамлыс* ‘у матери’. *Ы*-овая огласовка аблатива характерна также для большинства коми-зырянских диалектов. В коми-пермяцких диалектах и коми-язьвинском наречии происходит регулярный переход гласной *ы* в *и* перед и после мягкого согласного *с*, в связи с этим в них бытует *и*-овая форма аблатива: *-лис* ‘(-вис)’ [Баталова 1982, 16–17].

Датив в говорах верхнекамского наречия представлен вариантами *-лы* и *-лӧ*; их употребление дифференцировано следующим образом: в деревнях Порубово, Илюши, Рагоза, Пашино, Першино, Карасюрово, Порошино, Мироново, Ромаши наличествует маркер *-лы*: *кукан'лы* ‘теленку’; *сойлы* ‘сестре’; в говорах деревень Московская и Аверино – *-лӧ*: *ракайаслӧ* ‘воронам’, *кан'лӧ* ‘кошке’.

Показатель датива относится к дифференцирующим признакам коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов: для зырянских диалектов характерен маркер *-лы* (*-ли*), для пермяцких – *-лӧ*. Функционирование указанных формантов в качестве вариантов характеризует исследуемый идиом как говор переходного типа. Вариативность в отношении показателя датива присуща также для верхнесысольского, лузско-летского диалектов коми языка [Жилина 1975, 61; Жилина 1985, 37] и мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка [Баталова 1982, 104].

Аккузатив. В описываемых говорах чаще всего наблюдается нулевое оформление аккузатива: *вузали йай* ‘продал мясо’; *дэн'га эг бос'тал* ‘деньги не брал’; *лым чапкала* ‘снег бросаю’; *ӧс'ин ос'та* ‘окно открою’; *мӧсйас пастушит* ‘коров пасти’; *курччалӧ д'ит'айас* ‘кусает детей’; *вӧййас, мӧсйас здавал'и, т'эл'эгайас, н'ан'* здавал'и ‘лошадей, коров сдавали, телеги, хлеб сдавали’. Одушевленные существительные могут оформляться суффиксом *-ӧс*: *кӧзлушкаӧс бос'ли* ‘козочку брала’; *начкисӧ мӧсӧс* ‘зарезали корову’; *ил'аӧс помн'ита* ‘Илью помню’; *аддзис мыс'атӧ нылӧс* ‘нашел какую-то девушку’. В говоре дер. Першино у одушевленных существительных с основой на *-а* зарегистрирован алломорф *-с*, образованный в результате ас-

симиляции конечным гласным основы и последующего стяжения гласных ($a + \text{öc} > a + \text{ac} > \text{ac}$): *бос'тис хр'оснас* 'взял крестную'.

Инструменталь представлен суффиксом *-өн*: *чайён* йуны 'с чаем пить'; *н'имйасён* *ми шуам* 'по имени мы называем'; *чун'ён* *эз вёрз'ёд* 'пальцем не тронул'. В ряде южных говоров (дер. Порошино, Мироново) в словах с основой на гласный *a* функционируют алломорфы *-ан*, *-н*: *корс'аан* 'березовым веником'; *квашонкаан пэтан* 'с квашонкой выйдешь'; *мэнö аннан шуоны* 'меня Анной зовут'.

Комитатив имеет показатель *-көд*: *эта нылочкакөд* 'с этой девочкой'; *ми эта кладовщиккөд быкөб развэзл'и* 'мы с этим кладовщиком все развезли'; *зоночка айкөд му'нө* 'мальчик идет с отцом'; *познакомил'ис' иванкөд* 'познакомились с Иваном'. Данный морфологический маркер со звонким согласным в ауслауте суффикса объединяет исследуемый идиом с ареалом коми-зырянских диалектов; в коми-пермяцких диалектах комитатив повсеместно выражен суффиксом *-көт*.

Наряду с этим показателем в речи двух носителей разных говоров (мужчина, 1922 г.р., дер. Рагоза.; женщина 1958 г.р., дер. Московская.) был неоднократно зафиксирован специфический вариант *-көг*: *комикөг* *куйли пос'л'э ран'эн'ийа* 'с коми лежал после ранения'; *вайёны н'эвэстаөс*, *пукс'өдöны өтла жөн'ихкөг* 'приводят невесту, сажают рядом с женихом'; *ми мужиккөг мэжду собой баитамö по русски* 'мы с мужем между собой по-русски говорим'; *мэ вот помн'ита, што папакөг о'лли* 'я помню, что с папой жила'. Возможно, этот идиолектный вариант развился под влиянием каритива на *-төг*, полярного по своему грамматическому значению комитативу.

Абессив в верхнекамских говорах оформлен суффиксом *-төг*: *пэстөг олө* 'без дров живет'; *сийа көмтөг*, *кыйсөдтөг* 'он необутый, не одетый, букв. без обуви, без одежды'; *кн'игатөг* 'без книги'. Изредка встречаются варианты, осложненные формантами *-йа* // *-йи* // *-н'и*: *өрөштөгйиыс ог олө* 'без кваса не живем'; *айтөгйи бынмимө* 'без отца выросли'; активнее они используются при словоизменении личных местоимений: *мэтөгйа* // *мэтөгйи* // *мэтөгн'и* 'без меня'; *тийантөгйи* 'без вас'; *н'иатөгйи* 'без них'; *тэтөгн'и* 'без тебя'; *сытөгйа* 'без него' и др.

Консекутив, оформленный маркером *-ла*, зарегистрирован лишь в двух верхнекамских говорах (дер. Порубово, Илюши): *вала мунны* 'идти за водой'; *мөда кн'игала* 'пойду за книгой'. В остальных говорах данный падеж отсутствует; его функциональным соответствием в них выступает датив (*-лө/-лы*): *тишаклө вэтли* 'за грибами ходил'; *мунө н'эвэсталө* 'едет за невестой'; *өччөд вэтли н'иныслы* 'один раз ходил за липой'. Отметим, что консекутив на *-ла* характерен также для всех коми-зырянских и северных коми-пермяцких диалектов [Некрасова 2002, 117]. В южных пермяцких диалектах, так же, как и в большинстве говоров верхнекамского наречия, консекутив как самостоятельная падежная форма отсутствует.

Инессив имеет показатель *-ын*: *мэ пöчинкөын чужи* 'Я в починке родилась'; *зыбкаын пукалис* 'в люльке сидел'; *асылын оз' мунимө* 'рано утром ушли'. В говорах, распространенных в южной части Афанасьевского района, в словах с основой на гласный *-а* зарегистрированы алломорфы *-ан*, *-н*: *выл' т'эркаан н'ан' пö жалан* 'В новом доме хлеб испечешь'; *чужи-тө мэ Н'икул'атан* 'Родилась я в Никулятах'; *крушкан дрозжи шуз'өдышта* 'в кружку дрожжи положу выбрать'.

Элатив оформлен суффиксом *-ыс'*: *мэ эта д'эрэвн'аыс' жө* 'Я тоже из этой деревни'; *н'инкөмйас вöлинө бэр'остыс'*, *н'иныс'* 'Лапти были из бересты, из липы'; *зöрыс' вöчинө өрөш, брага* 'Из овса делали квас, брагу'. Алломорфы *-ас'*, *-с'* появляются в ряде говоров в словах с основой на гласный *-а*: *т'эркаас'* 'из дома', *армийас'* 'из армии'.

Ы-овый маркер элатива сближает верхнекамское наречие с коми-зырянским диалектным ареалом; в коми-пермяцких диалектах и коми-язьвинском наречии показатель элатива имеет *и-овую* огласовку (*-ис'*) [Баталова 1975, 152].

Иллатив в верхнекамском наречии представлен суффиксом *-ө*: *мунас д'эрэвн'аө* 'пойдет в деревню'; *снөпйасө көрталамө* 'в снопы свяжем'; *ойын ытасө с'элоө* 'ночью отправят

в село'. В словах с основой на гласный -а в говорах дер. Порошино, Мироново встречается алломорф -а: *сийа пöраи здрэмн'ош* 'в эту пору вздремнешь', либо неоформленный иллатив: *ар-мийа мунис* 'в армию ушел'; *мэ пукс'и кабина* 'Я сел в кабину'.

Аппроксиматив выражен суффиксом -лан': *школалан'* мöда 'иду в сторону школы'; *горт-лан'* 'в сторону дома'; *пэрэмлан'* туйыс мунö 'В сторону Перми дорога идет'.

Из сложных суффиксальных образований, сформировавшихся на базе аппроксиматива и выделенных в современном коми языкознании в отдельную группу приблизительно-местных падежей [Некрасова 2002, 119; ÖKK, 60], в исследуемом идиоме зафиксированы аппроксиматив-иллатив (*вöрлан'ö* 'в сторону леса', *ромашилан'ö* 'в сторону деревни Ромаши', *тийанлан'ö* 'в вашу сторону') и аппроксиматив-инессив (*пэршинчилан'ын* 'в стороне деревни Першино').

Эгрессив имеет несколько фонетических вариантов: -с'эн' // -с'ан' // с'ин' // -с'ан'. В большинстве говоров функционирует маркер -с'эн': *дружка лöд сийа жöн'ихс'эн'* 'дружка он со стороны жениха'; *мамысс'эн'* ту йу'кс'исö 'от мамы то отделились'; *д'эрэвн'ас'эн'* городöз' ы'лын 'От деревни до города далеко'; *айс'эн'-ту кол'ччи д'эвэт' л'эт* 'без отца осталась в девять лет'. В говорах дер. Московская, Ромаши зарегистрирован вариант -с'ан': *н'эм коми-пэрмйакйасс'ан'* эз кол'ччы 'Ничего от коми-пермяков не осталось'; *крышас'ан'* 'с крыши'. Алломорф -с'ин' встречается в речи носителей дер. Порошино, Мироново, Московская: *крыл'эчкос'ин'* ус'ис 'с крыльца упал'; *мамысс'ин'* йукс'исö 'от мамы оделились'; *л'оз'с'ин'* тожно копнайас вöчыны 'из валков затем копна делают'.

В говорах дер. Порубово и Илюши зафиксирован специфический алломорф эгрессива с твердым согласным в ауслауте -с'ан', не характерный для других коми диалектов: *тулысс'ан арöз'* 'с весны до осени'; *зэрс'ан* ми э'г вэрмö мунны 'Из-за дождя мы не смогли пойти'. Бытование данного варианта в одном из говоров в сфере местоименного словоизменения отмечал и Г. Нечаев: «с'ан – последний мною записан в одной деревне и употребляем лишь в отношении местоимений мэс'ан, тэс'ан, сыс'ан» [Нечаев 1930, 15]. Нами данный вариант зарегистрирован как в местоименном, так и субстантивном словоизменении.

Транзитив в рассматриваемых говорах имеет показатель -ти: *вöрти* вэтлис 'по лесу ходил'; *эвö кити* вайас 'приведет ее за руку'. В субстантивном склонении транзитив на -ти широко представлен также в верхнесысольском диалекте [Жилина 1975, 71]. В коми-пермяцких диалектах суффикс -ти встречается лишь в наречиях и послелогах как застывший падежный формант: *сы с'öрти* 'по нему', *эсти* 'по этому месту', *тати* 'здесь, около нас', *лун бöрти* 'через день' [Баталова 1982, 117]; показателем транзитива в них является маркер -öт.

В образцах речи нами зафиксирован также единичный случай употребления в говоре дер. Мироново транзитива на -öд: *кути д'э эвö морöсöдыс* 'схватил, мол, его за грудь'. Использование данного варианта требует уточнения в ходе последующих экспедиций.

Терминатив в языке кировских пермяков представлен единообразно – формантом -öз', образованным в результате деаффрикатизации (-öдз > -öз'), широко представленной в верхнекамских говорах [Сажина 2016, 245–246]: *омутнйöз'* мэнö провод'ил'и 'до г. Омутнинска меня проводили'; *локти вöрöз'* 'дошел до леса'; *кудымкарöз'* кыскисö н'ас вöлөн 'до Кудымкара везли их на лошади'. Факультативно маркер -öз' представлен также в мысовско-лупьинском диалекте [Пономарева 2002, 100].

Преклюзив в верхнекамских говорах оформлен суффиксом -с'а: *мама т'ам'ас'а пöрыс'жык вöлин на три года* 'Мама была старше отца на три года'; *ракайасс'а унаджык машинкайасыс* 'машин больше, чем ворон'; *л'омпус'а н'ижэ-ту* 'ниже черемухи'; *ош прокаджык кöинс'а* 'Медведь сильнее волка'; *чун'с'а вöсныдджык* 'тоныше пальца'.

Таким образом, в системе падежей исследуемого идиома вариантами представлены датив (-лы // -лö) и эгрессив (-с'эн' // -с'ан' // -с'ин' // -с'ан'). Позиционно обусловленные варианты в ряде южных говоров присущи аккузативу (-öс // -с), инструментально (-өн // -ан // -н), иллативу (-ö // -а // ö), инессиву (-ын // -ан // -н) и элативу (-ыс' // -ас' // -с'). Консекутив наличествует лишь в двух верхнекамских говорах (дер. Порубово, Илюши), в остальных отсутствует. Следо-

вательно, для большинства говоров исследуемого идиома характерна 16-членная падежная парадигма; в говорах дер. Порубово и Илюши функционирует 17 падежей.

3.2. Посессивное склонение

В связи с сокращением инвентаря лично-притяжательных суффиксов в верхнекамском наречии посессивное склонение представлено лишь двумя парадигмами: 2 лица единственного числа и 3 лица единственного числа.

Таблица

Посессивное склонение в языке кировских пермяков

Падеж	Парадигма 2 лица ед. числа	Парадигма 3 лица ед. числа
Номинатив	-ыд	-ыс
Генитив	-ыдлӧн	-ыслӧн
Аблатив	-ыдлыс'	-ыслыс'
Датив	-ыдлӧ -ыдлы	-ыслӧ -ыслы
Аккузатив	-тӧ	-сӧ
Инструменталь	-над	-нас
Комитатив	-ыдкӧд -ыдкӧг	-ыскӧд -ыскӧг
Абессив	-тӧгыд -тӧгйид -тӧгйайд	-тӧгыс -тӧгйис -тӧгйаис
Консекутив	-ыдла	-ысла
Инессив	-ад	-ас
Элатив	-с'ыд	-с'ыс
Иллатив	-ад	-ас
Аппроксиматив	-лан'ыд	-лан'ыс
Эгрессив	-ыдс'эн' -ыдс'ин' -ыдс'ан' -ыдс'ан -с'эн'ыд -с'ин'ыд -с'ан'ыд	-ысс'эн' -ысс'ин' -ысс'ан' -ысс'ан -с'эн'ыс -с'ин'ыс -с'ан'ыс -с'ин'ис
Транзитив	-тиыд	-тиыс
Терминатив	-ӧз'ыд	-ӧз'ыс
Преклюзив	-с'аыд	-с'аыс

Порядок следования морфем падежного форманта (Сх) и притяжательного суффикса (Рх) зависит от падежа. Для аккузатива, инструменталья, инессива, илатива и элатива так же, как и в других коми диалектах, характерны особые формы. В генитиве, аблативе, дативе, комитативе и консекутиве наблюдается морфопорядок РхСх. В абессиве, аппроксимативе, транзитиве, терминативе и преклюзиве – морфопорядок СхРх. Варьирование порядка зафиксировано в эгрессиве.

Резюмируя представленные в статье лингвистические материалы, можно отметить следующее: в языке кировских пермяков, находящемся в условиях языкового сдвига, наблюдается упрощение словоизменительной системы существительного. Оно проявляется в сокращении инвентаря посессивных показателей и упрощении лично-притяжательного склонения. Приведенные данные демонстрируют, что по основным особенностям субстантивного словоизменения исследуемый идиом обнаруживает наибольшее сходство с верхнесольским и лузско-летским диалектами. Наличие общих черт в ареале южных коми-зырянских диалектов и верхнекамского наречия, вероятно, объясняется историческими причинами: территориальной общностью и контактами носителей этих идиомов в прошлом.

СОКРАЩЕНИЯ

дер. – деревня, ед. – единственный.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
- Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
- Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 227 с.
- Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка. Формирование и современное состояние: дис. д. филол. наук. Ижевск, 2018. 562 с.
- Карпова Л. Л. Специфика словоизменения усилительно-личных местоимений в удмуртском языке (на материале северных диалектов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). С. 81–84.
- Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
- КПРС – Коми-пермяцко–русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 620 с.
- Кондратьева Н. В. К вопросу о грамматической категории числа имен существительных в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2010. № 2. С. 92–101.
- Некрасова Г. А. Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных источников) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Вып. 3. С. 7–16.
- Некрасова Г. А. Вокатив или посессивный суффикс: к интерпретации суффиксальных средств выражения вокативности в коми языке // Linguistica Uralica. 2011. № 2. С. 120–129.
- Некрасова Г. А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. 168 с.
- Нечаев Г. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар: Центриздат, 1930. Вып. 1. С. 1–21.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
- Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка. Дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 206 с.
- Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар, 2014. 272 с.
- Сажина С. А. Консонантизм языка кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 240–249.
- Сажина С. А. Послелог в языке кировских пермяков // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 474–484.
- Сажина С. А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования. Дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 282 с.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990. 282 с.
- Шматова М. С. Значения форм существительных с показателем множественности -jas в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Acta Linguistica Petropolitana. 2011. Т. VII. Ч. 3. С. 225–231.
- ÖKK – Öñia коми кыв. Морфология. Сыктывкар, 2000. 544 с.
- Baker R. The Development of the Komi Case System. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1985. 266 p.
- Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2000. 372 p.

Поступила в редакцию 23.10.2020

Сажина Светлана Александровна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»

167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д.26

e-mail: sazinass@rambler.ru

S. A. Sazhina

NOUN DERIVATION IN THE LANGUAGE OF THE KIROV PERMYAKS

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-34-44

The article describes the noun derivation system of one of the lesser-studied idioms of the Komi-Permyak language. The main focus is on the morphological means of expressing the categories of number, possessiveness and case. The paper analyzes the peculiarities of forming plurals, considers the secondary meanings of the plural marker, identifies the number of grammatical categories of possessiveness and case, describes each item of the case paradigm in terms of morphological formation, and reveals the features of the possessive declension. The empirical base of the research includes language materials collected by the author in her dialectology expeditions to the area where the Kirov Permyaks resided. Linguistic materials are analyzed and interpreted in the context of the Komi language dialectic landscape. As a result of the study, it was revealed that the noun derivation in the idiom in question is characterized by simplification and shows great similarity with the southern Zyryan dialects in its main features.

Keywords: the Komi language, the Komi-Permyak language, dialectology, the Upper-Kama dialect, Kirov Permyaks, morphology, noun, plural, case, possession.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 1, pp. 34–44. In Russian.

REFERENCES

- Batalova R. M.** *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 252 p. In Russian.
- Batalova R. M.** *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies on the Eastern Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 168 p. In Russian.
- Zhilina T. I.** *Verkhnesysol'skii dialekt komi yazyka* [The Upper Sysola dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 268 p. In Russian.
- Zhilina T. I.** *Luzsko-letsii dialekt komi yazyka* [Luza-Letka dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 268 p. In Russian.
- Karpova L. L.** *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka. Formirovanie i sovremennoe sostoyanie: Dis. doct. filol. nauk* [Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language. Formation and current state. Doct. filol. sci.diss.]. Izhevsk, 2018. 562 p. In Russian.
- Karpova L. L.** *Spetsifika slovoizmeneniya usilitel'no-lichnykh mestoimenii v udmurtskom yazyke (na materiale severnykh dialektov)* [Specifics of inflection of the intensifying personal pronouns in the Udmurt language (by the material of the northern dialects)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2015. No 1 (43). PP. 81–84. In Russian.
- Karpova L. L.** *Fonetika i morfologiya srednechepeckogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997. 224 p. In Russian.
- KPRS – Komi-permyatsko-russkii slovar' / R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman** [Komi-Permyak – Russian Dictionary]. Moscow, Russian language Publ., 1985. 620 p. In Russian.
- Kondrat'eva N. V.** *K voprosu o grammaticheskoi kategorii chisla imen sushchestvitel'nykh v udmurtskom yazyke* [Category of Substantive Number in Udmurt]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istorija i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2010. No 2. PP. 92–101. In Russian.
- Nekrasova G. A.** *Izmeneniya v padezhnoi sisteme komi-permyatskogo yazyka XIX–XX vv. (po materialam pis'mennykh istochnikov)* [Changes in the case system of the Komi-Permyak language in the 19th–20th centuries (on materials from the written sources)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016. No 3. Pp. 7–16. In Russian.
- Nekrasova G. A.** *Vokativ ili posessivnyi suffiks: k interpretatsii suffiksals'nykh sredstv vyrazheniya vokativnosti v komi yazyke* [Vocative or Possessive Suffix: Interpretation of the Suffixal Means of Expressing Vocativity in the Komi Language]. *Linguistica Uralica*, 2011. No 2. Pp. 120–129. In Russian.

Nekrasova G. A. *Sistema L-ovykh padezhei v permskikh yazykakh: proiskhozhdenie i semantika* [System of L-cases in Permic languages: origin and semantics]. Syktyvkar, 2002. 168 p. In Russian.

Nechaev G. *Kharakteristika ziuzdinskogo dialekta komi yazyka* [Characteristics of the Zyuzdin dialect of the Komi language]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary i izucheniyu dialektov komi yazyka* [Collection of the commission on the collecting of the dictionary and the study of dialects of the Komi language]. Syktyvkar, Centrizdat Publ., 1930. Pp. 7–27. In Russian.

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to the Problem]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 384 p. In Russian.

Ponomareva L. G. *Fonetika i morfologiya mysovsko-lup'inskogo dialekta komi-permyatskogo yazyka: Dis. kand. filol. nauk.* [Phonetics and morphology of the Mysy-Lupja dialect of the Komi-Permyak language. Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk, 2002. 206 p. In Russian.

Popova R. P., Sazhina S. A. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyi aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar, 2014. In Russian.

Sazhina S. A. *Konsonantizm yazyka kirovskikh permyakov* [The consonantism of the language of the Kirov Permyaks]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2016. No 1. Pp. 240–249. In Russian.

Sazhina S. A. *Poslelogi v yazyke kirovskikh permyakov* [Postpositions in the language of the Kirov Permyaks]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019. No 3. Pp. 474–484. In Russian.

Sazhina S. A. *Sravnitel'naya morfologiya komi-zyryanskikh dialektov (imennyye chasti rechi). Areal'nyi aspekt issledovaniya. Dis. kand. filol. nauk.* [Comparative morphology of the Komi-Zyryan dialects (nominal parts of speech). Areal aspect of the study. Cand. filol. nauk. diss.]. Izhevsk, 2004. 282 p. In Russian.

Sorvacheva V. A., Beznosikova L. M. *Udorskii dialekt komi yazyka* [Udora dialect of Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 252 p. In Russian.

Shmatova M. S. *Znacheniya form sushchestvitel'nykh s pokazatelem mnozhestvennosti -jas v izhemskom dialekte komi-zyryanskogo yazyka* [The meanings of nouns with the plural marker -jas in the Izhma dialect of the Komi-Zyryan language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011. Vol. VII. No 3. Pp. 225–231. In Russian.

ÖKK – Öniya komi kyv. Morfologiya [Modern Komi language. Morphology]. Syktyvkar, 2000. 544 p. In Komi.

Baker R. *The Development of the Komi Case System*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985. 266 p. In English.

Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 372 p. In Finnish.

Received 23.10.2020

Sazhina Svetlana Aleksandrovna,
Candidate of Philology, Research Associate
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Urals Branch, Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russian Federation
e-mail: sazinass@rambler.ru